

лись его спящія царевны, его поэтическія мечты и вдохновенія, въ немъ должны были воскреснуть и тѣ прежніе мотивы человѣческой отваги, мужества, баталіи, отъ которыхъ, казалось бы, такъ далеко и невозвратно ушелъ старикъ Толстой. И вотъ, передъ нами — „Хаджи-Муратъ“.

Первая страница повѣсти, озаглавленной этимъ именемъ, — самая замѣчательная. Глубоко-поэтическая, она не только вводитъ насъ въ тайники творчества, показываетъ его зарожденіе, но и лишній разъ подтверждаетъ необычайную соприкосновенность Толстого съ природой. Уже одна детализація полевыхъ цвѣтовъ, ихъ любовное описаніе и характеристика, отмѣчающая въ нихъ такіе признаки, на которые едва ли обратилъ бы вниманіе другой, — уже одно это говорить о поразительной пристальности взгляда, какимъ смотритъ Толстой на естество. Когда онъ любитъ „прелестнымъ подборомъ цвѣтовъ этого времени года“ и съ большимъ букетомъ въ рукѣ идетъ домой, то самая эта картина, Толстой съ цвѣтами, порождаетъ у читателя особое, невыразимое настроеніе и подготавливаетъ къ возвышенному воспріятію красоты. А когда сопротивляющійся репей, чудный малиновый репей „татаринъ“, вдругъ создаетъ у писателя геніальную ассоціацію и, повидимому, изъ очень большой и неожиданной дали приводитъ ему на память образъ Хаджи-Мурата, до послѣдней минуты не сдававшаяся людямъ и смерти, то это не просто сравненіе,